

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

УДК 82.09

Памук Орхан

почетный доктор СПбГУ, лауреат Нобелевской премии по литературе.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
info@masumiyetmuzesi.org

**Лекция о творчестве Ф. М. Достоевского,
произнесенная на торжественной церемонии вручения
диплома и мантии почетного доктора
Санкт-Петербургского государственного университета***

Для цитирования: Памук О. Лекция о творчестве Ф. М. Достоевского, произнесенная на торжественной церемонии вручения диплома и мантии почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 436–443. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.301>

Лекция самого известного турецкого писателя современности, лауреата Нобелевской премии по литературе 2006 г., была прочитана в СПбГУ 20 февраля 2017 г. и посвящена литературным произведениям Ф. М. Достоевского, чье творчество всегда высоко ценилось турецким прозаиком. В своих выступлениях и интервью Орхан Памук неоднократно говорил о том, что на него оказали влияние в первую очередь русские писатели: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. В. Набоков. Лекция посвящена анализу двух произведений Достоевского — «Братья Карамазовы» и «Бесы». Она построена на личных впечатлениях и восприятии автором романов Достоевского в контексте турецкой культуры, общественно-политической жизни и повседневности. В данном случае

---

* Перевод с турецкого языка, аннотация, подготовка статьи к печати — Аполлинария Сергеевна Аврутина, д-р филол. наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков стран Азии и Африки СПбГУ, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений СПбГУ. a.avrutina@spbu.ru.

взгляд на творчество Достоевского «извне» особенно интересен, поскольку О. Памук представляет страну, которая в значительной мере ориентирована на западную культуру, но при этом сохраняет восточные традиции, в том числе и религиозные. Памук размышляет о романах Достоевского как о романах политически значимых, хотя в русской литературной традиции они трактуются иначе. Проводимые параллели между событиями, разворачивающимися в «Братьях Карамазовых» и «Бесах», и событиями в общественной жизни Турции позволяют Памуку сделать вывод о глубинном ментальном родстве русского и турецкого обществ с их неоднозначным отношением к Западу. Лекция интересна не только как «новое слово» о Достоевском, но и как часть творчества ее автора.

Ключевые слова: турецкая литература, турецкий роман, русская классическая литература, политический роман, Ф. М. Достоевский.

Уважаемый ректор Санкт-Петербургского государственного университета, уважаемый декан Восточного факультета, уважаемые тюркологи, профессора и преподаватели университета, студенты и гости! Я глубоко благодарен вам всем. Кафедре тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета 182 года. Это старейшая кафедра университета и старейшая кафедра тюркской филологии в Европе. Мне особенно важно получить звание почетного доктора в столь именитом учебном заведении. Это большая честь для меня.

Мы, турки и русские, на протяжении многих столетий воевали, враждовали друг с другом. И все же долгое время мы дружили и были соседями. Полагаю, мы хорошо понимаем, как отвратительна любая распря, война. И сейчас нет необходимости повторять, как хорошо, что ссора исчерпана и вновь правят мир, добрососедские отношения и взаимопонимание. Я надеюсь, что оказанная мне высокая честь станет маленьким символом того, что турок и русских теперь объединяют дружба, братские чувства, а также общие история и культура.

Но лично меня больше заботит не политика, а литература. Когда я говорю о Европе, России, Петербурге, то сразу вспоминаю Достоевского. Именно Достоевский дал мне возможность ощутить, насколько похожи у нас заботы, повседневная жизнь, печали и радости. Но этот петербургский писатель поведал мне не только о том, как близки русские и турки, но и о человечности, терпимости; он научил меня писать. Турецкие романисты многому научились у великой русской литературы. Толстой, Достоевский, Чехов... Эти три писателя стали для турецкой литературы XX века такими же важными ориентирами, как и французские писатели. Для меня Толстой и Достоевский — величайшие писатели на все времена. Равновеликими им я считаю только Марселя Пруста и Томаса Манна.

Из двух русских писателей Достоевский оказывает на меня наибольшее воздействие, он кажется мне более глубоким и чутким к политическим событиям. (Правда, должен добавить, что считаю Толстого более искусным, более талантливым романистом.) Воздействие Достоевского на меня, конечно же, основано на его отношении к Западу, которое строится на любви и ненависти. Наше прошлое и наша культура невероятно близки и схожи. И сегодня, говоря о Достоевском, я чувствую, что говорю и о себе. Я постоянно перечитывал его романы. И всякий раз обнаруживал в них нечто новое о себе, о жизни и о Турции. На основании прочитанного я сделал множество заметок.

Например, я хорошо помню, как читал «Братьев Карамазовых»: мне было восемнадцать лет, я сидел один в комнате, окна которой выходили на Босфор. Это была моя первая книга Достоевского. В библиотеке отца имелись турецкий перевод романа, вышедший в сороковых годах, и английский перевод Констанс Гарнетт, а само название романа, столь властно вызывавшее во мне странный и переменчивый образ России, уже давно влекло меня в новый мир.

«Братья Карамазовы» с первых же страниц будили во мне двоякое чувство: я понимал, что не одинок в этом мире, но ощущал оторванность от него и беспомощность. С наслаждением погрузившись в осязаемый, тягучий мир романа, я чувствовал, будто размышления героев были моими мыслями, сцены и события потрясали меня, словно я сам переживал когда-то, — впрочем, такое я испытывал всегда, когда читал великие книги.

Эта книга открыла мне несколько важных жизненных истин, о которых никто никогда мне раньше не говорил, и поэтому, читая ее впервые, я все-таки ощущал свое одиночество. Словно я был первым читателем этой книги. Достоевский, казалось, говорит только со мной и только мне рассказывает нечто, никому не известное о людях и жизни. Это тайное знание ошеломило меня, и, ужиная с родителями или болтая, как обычно, с друзьями о политике в многолюдных коридорах Стамбульского технического университета, где я учился на архитектора, я чувствовал, что моя жизнь теперь изменится, что книга живет во мне, а моя жизнь с ее повседневными заботами казалась мне теперь мелкой и ничтожной в сравнении с великим, бескрайним и удивительным миром книги.

Мне хотелось сказать: «Я читаю произведение, которое потрясло меня и изменило мой мир. Мне страшно». Борхес как-то заметил: «Впервые прочитать Достоевского — такая же важная веха в жизни, как первая любовь, как первая встреча с морем». День, когда я впервые прочитал Достоевского, стал для меня днем прощания с наивностью.

Какую тайну надеялся открыть мне Достоевский в «Братьях Карамазовых» и в других своих великих книгах? Неужели он хотел сказать мне, что я всегда буду испытывать потребность в Боге, в вере, но при этом доказать, что мы не способны до конца верить ни во что? Может, он призывал меня согласиться с тем, что в нас живет дьявол, жаждущий уничтожить веру и извратить самые искренние мысли? Или пытался убедить, что жизнь делают настоящей великие страсти, великие мысли и привязанности, как я и думал тогда, но в то же время истинное счастье заключается в противоположном — в смирении? А может быть, он хотел мне показать, что человек легко и безвольно меняет свои взгляды, гораздо быстрее, чем мне тогда казалось, свободно перемещаясь от полюса к полюсу: надежда — отчаяние, любовь — ненависть, мечты — реальность? Ведь на примере Карамазова-отца Достоевский утверждает, что, даже плача, человек не бывает искренним до конца, он в некоторой степени играет, изображая плач, согласны?

Ошеломляло и пугало то, что Достоевский облек все эти «жизненные истины» не в абстрактные мысли, а наделил всем этим реальных, живых людей, из плоти и крови. Читая «Братьев Карамазовых», мы пытаемся понять, как люди могут так быстро бросаться из крайности в крайность и не является ли максималистский настрой романа — «или все, или ничего» — отражением духовного состояния самого

Достоевского и русской интеллигенции третьей четверти XIX века, когда страна переживала социальный кризис.

С другой стороны, душевное состояние, мотивы поступков героев Достоевского во многом перекликаются с нашим настроением. Знакомясь с Достоевским, мы, особенно в юности, постоянно совершаем новые поразительные открытия. И тому есть две причины: первая — тщательно продуманная цепочка взаимосвязанных событий, как в «Братьях Карамазовых», вторая — удивительное осознание того, что мир до сих пор находится в процессе созидания.

Еще один роман Достоевского, читая который, я отождествляю себя не только с автором, но и с героями, — это «Бесы». Это произведение я не раз читал со студентами в Колумбийском университете и очень люблю обсуждать его с ними на семинарах. «Бесы» — один из самых потрясающих политических романов, написанных за всю историю. Впервые я прочитал его в двадцать лет и смело могу сказать, что я был сражен, изумлен и испуган, я поверил ему. Ни один из романов, прочитанных мной прежде, не производил на меня такого впечатления, ни одна история не сообщала мне таких поразительных сведений о человеческой душе. Меня шокировало, насколько сильной может быть жажда власти; ошеломили способность человека прощать, умение обманывать себя и других, потребность обрести веру, его любовь и ненависть; меня поразила непреодолимая тяга человека как к греховному, так и к святому; вместе с героями я пережил историю, полную обмана, политических интриг и смертельных угроз, и меня изумило, как все это сосуществует в одной книге. Я был поражен тем, насколько быстро я «прожил» роман и впитал его мудрость.

Именно это и является главным достоинством литературы: гениальные романы открывают нам новые миры, и мы вместе с героями живем, страдаем, чувствуем и любим; мы верим в эти миры, верим в их героев. Я тоже поверил пророческому голосу Достоевского, поверил в его героев, в их склонность к покаянию.

И тем не менее роман посеял в моем сердце труднообъяснимый страх. Думаю, отчасти этот страх был вызван невероятно сильно написанной сценой самоубийства (гаснет свеча, кто-то прячется в соседней комнате и внимательно следит за происходящим) и жестокостью порожденного ужасом и совершенного в смятении убийства. Возможно, пугало меня и то, насколько быстро герои романа погружались в размышления на вечные темы; пугала отвага, которую Достоевский увидел не только в них, но и в себе.

Читая книгу, чувствуешь, что все мельчайшие штрихи повседневной жизни соединены с размышлениями о высоком; мы со страхом познаем истину, известную душевнобольным: мысли и великие идеалы неразрывно связаны друг с другом. Как, впрочем, связаны в романе подпольные организации и группировки, революционеры и доносчики. Этот зловещий мир, в котором все так тесно переплетено, является одновременно ширмой и дверью, за которой скрыта истина, питающая наши мысли, ведущая в иной мир, в котором есть ответ на вопрос, существует ли Бог и что такое свобода.

В «Бесах» Достоевский не только объединяет эти вопросы, предлагая их нам, он создает убедительный образ верующего в Бога героя, осмелившегося совершить самоубийство ради того, чтобы доказать, что он свободен. Очень немногие писатели способны, как Достоевский, воплотить в персонифицированных образах абстрактные идеи, философские противоречия и вопросы веры.

Достоевский начал работать над «Бесами» в 1869 году, когда ему было сорок восемь лет. Незадолго до этого он закончил и издал роман «Идиот», написал повесть «Вечный муж». На два года они с женой уехали в Европу (во Флоренцию и Дрезден), чтобы скрыться от кредиторов и иметь возможность спокойно работать. Он задумал роман, который назвал сначала «Атеизм», а потом «Житие великого грешника», затрагивающий проблемы атеизма и веры. Он не терпел нигилистов, весьма популярных тогда в России (как мы понимаем, полуанархистов, полулибералов), поэтому он писал политический роман об их неприязни к русским традициям, об их западничестве и атеизме.

Проработав над книгой долгое время, он внезапно утратил к ней интерес. В это время в России произошло политическое убийство, о котором он с жадностью прочитал в русских газетах и услышал от брата жены; это вновь зажгло фантазию писателя. В 1869 году в Москве был убит студент университета Иванов. Преступление совершили четверо его друзей, посчитавшие товарища изменником. Они состояли в молодежном революционном кружке, которым руководил блестящий, дьявольски умный молодой человек по фамилии Нечаев. Нечаев, ставший прототипом Петра Степановича Верховенского в «Бесах», и его товарищи (в романе это Толкаченко, Виргинский, Шигалев и Лямшин) убили в парке своего друга (в романе это Шатов), которого заподозрили в предательстве, а труп бросили в пруд.

История этого преступления позволила Достоевскому раскрыть духовный мир русских нигилистов и западников, показав, что мечты о «новом мире», «революции» и «утопическом обществе» на самом деле не что иное, как жажда власти над днем сегодняшним, над нашей семьей, нашими друзьями и близкими — над всем миром. В молодости я находился под влиянием левых настроений, и мне показалось, что автор романа «Бесы» писал не о России XIX века, а о современной Турции, погрязшей в радикализме, порожденном насилием.

Мой страх был продиктован причинами личного характера. В те годы, спустя примерно сто лет после преступления Нечаева и публикации «Бесов», похожее преступление было совершено в Турции, в Роберт-колледже (теперь это Босфорский университет). Мои одноклассники, участники революционного кружка, подстрекаемые хитрым и умным «героем», впоследствии бесследно исчезнувшим, забили насмерть своего товарища, по их мнению, «предателя», труп положили в чемодан и попытались ночью переправить его в лодке на другой берег Босфора, за чем и были пойманы.

Хотя роман пропитан жестокостью и страхом, его можно считать наиболее увлекательным и даже сатирическим из всех романов писателя. Достоевскому-сатирику удивительно хорошо удаются массовые сцены. В «Бесах» он создал и злую карикатуру на Тургенева (Кармазинов), с которым дружил и которого ненавидел. Он не любил Тургенева за то, что тот был состоятельным помещиком, поддерживающим нигилистов и западников, и, как казалось Достоевскому, презирал русскую культуру. Смеею предположить, что роман «Бесы» полемизирует с романом Тургенева «Отцы и дети». Я всегда считал, что «Бесы» — книга об интеллигентах-радикалах (живущих на окраинах Европы, мечтающих о Западе и сомневающих в Боге) и их постыдных тайнах, которые они хотят скрыть.

Самое необычное произведение Достоевского, в котором его мысли и голос звучат особенно отчетливо, — это «Записки из подполья». Повесть посвящен-

на чувству наслаждения от унижения. В юности, когда я читал ее впервые, меня взволновали не столько удовольствие и логика унижения, сколько злость героя, одинокого в огромном Петербурге, его острый, меткий язык. Подпольный человек казался мне Раскольниковым из «Преступления и наказания», утратившим чувство вины. Цинизм придал речи героя остроту, отточил логику его мыслей. В мои восемнадцать лет книга произвела на меня большое впечатление, так как в ней я нашел отражение многих моих невысказанных и неосознанных мыслей из жизни в Стамбуле.

Теперь, перечитывая книгу, я могу с легкостью сказать, чем обусловлены главная тема и энергетика романа: это зависть героя к европейцам, его гнев и гордыня. И хотя мы с героем были похожи и в восемнадцать лет я с легкостью находил у нас общие черты, я принял злость подпольного человека за его отчужденность от общества. Поскольку мне, как и всем европеизированным туркам, нравилось считать себя в большей степени европейцем, чем было на самом деле, я был склонен думать, что странная философия человека, который мне так нравился, свидетельствовала об упадке его духа. Я никак не связывал этот духовный кризис с его неловкостью перед Европой. Европейская мысль, от Ницше до Сартра, или экзистенциализм, ставший популярным в Турции в конце шестидесятых годов, объясняли столь странную философию героя слишком «европейскими», на мой взгляд, понятиями, и это отдаляло меня от понимания того, что на самом деле говорила мне книга.

Нам следует помнить еще и то, что «Записки из подполья» задумывались как публицистическое произведение. Достоевский собирался написать критический очерк о романе Чернышевского «Что делать?», изданном годом раньше. Эта книга была весьма популярна среди прозападно ориентированных молодых людей, являясь одновременно романом и своего рода учебником просветительского позитивизма. В середине 1970-х годов роман «Что делать?» был переведен на турецкий язык и издан в Стамбуле с предисловием, содержащим критику в адрес Достоевского (его называли реакционером, ограниченным мещанином и мелким буржуа). Выход романа был одобрительно встречен молодыми, поклонявшимися Советскому Союзу турецкими коммунистами с их наивным детерминизмом и утопическими иллюзиями, и понятно, почему эта книга вызывала у Достоевского такую острую реакцию.

На самом деле вопрос о том, считать себя европейцем или быть патриотом своей страны, гораздо более сложный и запутанный — как всегда, когда дело касается отношений между Востоком и Западом. Ведь Достоевский признавал правоту и либералов-западников, против которых выступал, и материалистов, на которых был обращен его гнев. Однако не стоит забывать, что Достоевский был воспитан на этих идеях, получил отличное образование и учился на инженера. Он не умел думать иначе.

Можно, конечно, предположить, что он был способен мыслить по-другому и обладал другим, более «русским» сознанием, но ведь его этому никто не учил. Из записок Достоевского мы узнаем, как в конце жизни, работая над романом «Братья Карамазовы», он почувствовал интерес к судьбам русских православных мистиков, обнаруживает, насколько он несведущ в вопросах христианства. (Правда, мне нравится, насколько рационально и практично он рассуждает, не упрекая себя в «оторванности от народа».)

Следуя той же логике, будет верным полагать, что Достоевский считал правильным и знал о распространении в России европейской философской мысли (кроме индивидуализма) и именно поэтому выступал против. Но повторю, Достоевский критиковал не суть западничества, он был против того, чтобы считать его необходимой и единственно правильной идеологией. Он полагал, что ориентированная на Запад русская интеллигенция в своей гордыне ослеплена ощущением собственной правоты и успеха, ощущением единственно верного понимания происходящего и считает себя познавшей истину.

Осознание того, что, Россия могла бы ориентироваться на западные идеи, с одной стороны, и неприятие материалистов-западников, неприятие гордецов из русской интеллигенции — с другой, то есть очевидный конфликт идей, и породил странную атмосферу «Записок из подполья». Сейчас я полагаю, что мое восхищение, даже очарование Достоевским, которое я начал испытывать с первого дня, как начал читать его книги, возникло из этого противоречия.

Полагаю, что противоречие, терзавшее Достоевского, проистекает из того же ощущения, что волнует всю жизнь и меня. Можно сказать, что это неспособность выбора между Востоком и Западом, смесь ненависти и любви к Западу... В молодости Достоевский восторгался Западом. В моем возрасте он возненавидел его. Особенно он возненавидел либералов, прозападную интеллигенцию.

В заключение я должен сказать, что на политической карте современной Турции лично я нахожусь среди прозападных сторонников свобод и даже среди либералов. Я по-прежнему, как и молодой Достоевский, верю, что будущее Турции заключается в ориентире на западный мир, в близости к нему. Однако не стоит преувеличивать значение моих политических воззрений по сравнению с воззрениями литературными. Ведь самое ценное в литературе — не яркие резкие краски, а их сочетания, полутона... Совсем как в произведениях Достоевского.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2021 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

Orhan Pamuk

Honorary Doctor of St. Petersburg State University, Laureate of the Nobel Prize in Literature
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
info@masumiyetmuzesi.org

Lecture about Fyodor Dostoevsky at the solemn ceremony of awarding the mantle and diploma of the SPbU Honorary Doctor*

For citation: Pamuk O. Lecture about Fyodor Dostoevsky at the solemn ceremony of awarding the mantle and diploma of the SPbU Honorary Doctor. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 436–443.

<https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.301> (In Russian)

---

* Translation from Turkish by Apollinariia S. Avrutina, Dr. Sci. in Philology, Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching the Languages of Asian and African Countries, St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Contemporary Turkey and Russian-Turkish Relations, St. Petersburg State University. a.avrutina@spbu.ru.

The lecture of the most famous Turkish writer of our time, winner of the Nobel Prize in Literature for 2006, was delivered at St. Petersburg State University on February 20, 2017 and was dedicated to the literary works of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, whose has always been appreciated by the Turkish prose writer. In his speeches and interviews Orhan Pamuk often says that he was influenced primarily by Russian writers: Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, and Vladimir Nabokov. The lecture is devoted to the analysis of two works by Dostoevsky — *The Brothers Karamazov* and *Demons*. It is based on the author's personal impressions and perception of the novels in the context of Turkish culture, social and political life, and everyday life. In this case, a look at the work of Dostoevsky "from the outside" is especially interesting since Pamuk represents a country that is largely oriented towards Western culture, but at the same time preserves Eastern traditions, including religious ones. Pamuk reflects on Dostoevsky's novels and notes they are politically significant novels, even though in the Russian literary tradition they are interpreted differently. Parallels drawn between the events that unfold in *The Brothers Karamazov* and *Demons* and the events in the public life of Turkey allow Pamuk to draw a conclusion about the deep mental kinship of Russian and Turkish societies with their ambiguous attitude towards the West.

Keywords: Turkish literature, Turkish novel, Russian classical literature, political novel, F.M. Dostoevsky.

Received: February 1, 2021

Accepted: May 14, 2021